

УДК 330.8  
ББК 65.02

**Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ**  
кандидат экономических наук, доцент  
Байкальского государственного университета экономики и права,  
г. Иркутск  
e-mail: maid1960@mail.ru

## ИСТОРИОГРАФИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: В ПОИСКАХ НЕ ЛУЧШЕЙ, НО СВОЕЙ ДОЛИ

---

Рассматривается история экономической мысли — стремительно маргинализирующаяся в наши дни отрасль экономического знания. Причины интенсивно идущего этого процесса усматриваются автором в нерешенности многих внутридисциплинарных проблем, в частности, в недостаточной рефлексии по поводу собственных содержательно-предметных оснований и используемых историографических подходов.

*Ключевые слова:* историография экономической науки; история экономической науки; история экономической мысли.

---

**D.YA. MAIDACHEVSKY**  
PhD in Economics, Associate Professor,  
Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk  
e-mail: maid1960@mail.ru

## HISTORIOGRAPHY OF ECONOMICS: IN SEARCH OF ITS DESTINY EVEN NOT THE BEST ONE

---

The article deals with the history of economic thought which nowadays is a rapidly marginalized branch of economic knowledge. The reasons for this intensive process, according to the author, are in a number of unsolved intradisciplinary issues, in particular, in insufficient reflection concerning its own conceptual and subject basis and in the applied historiographic approaches.

*Keywords:* historiography of economics; history of economics; history of economic thought.

---

История экономической мысли — давно и устойчиво маргинализирующаяся отрасль экономического знания, причем не только в отечественной науке, но и за рубежом. Основную вину за утрату дисциплиной ее статуса следует возложить отнюдь не на одни только социальные (институциональные), но и на когнитивные факторы и, прежде всего, — на господствующие в ней историографические подходы к познанию прошлого экономического знания. Презентистская методология, характерная как для марксистской истории экономической мысли советского периода, так и для подходов, «осваиваемых» отечественным научным сообществом в постсоветский период, ведет к доминированию определенного видения предмета познания, формирует своеобразный мейнстрим пред-

метной области историографии экономической науки [5; 6].

Позиции «производителей» и «потребителей» историко-экономического знания в вопросе о задачах и предмете дисциплины практически совпадают с той лишь незначительной разницей, что первые все же допускают ее право на самоопределение. По мнению, например, П.Н. Ключкина, в силу отнюдь не конъюнктурных соображений, но в связи с «долгосрочным состоянием дел в отечественной науке», свое веское слово в последней должна сказать «история экономической мысли, понимаемая как научная дисциплина, а не просто коллекция фактов и сведений для повышения "общей культуры"». При этом он уточняет, что речь идет о той части экономической науки, «которая в целях

разработки новых концепций обращается к трудам мыслителей прошлого» [3, с. 155]. Ему фактически вторит О.Ю. Мамедов. Называя историко-экономические исследования «излюбленным занятием наших западных коллег», превратившимся у нас в «дикивинку», он отнюдь не имеет в виду упадок и маргинализацию дисциплины истории экономической мысли в стране. Историко-теоретическое исследование проблемы, на его взгляд, — это один из важнейших способов обоснования последней, выступающий непременным условием ее внутринаучной постановки, демонстрирующий исследуемую проблему как «итог внутринаучного развития экономической теории» [7, с. 8].

Приверженцы подобного мейнстрима фактически лишают историю экономической мысли собственного предмета и методов, отличных от современной экономической теории, передают дело превращения истории экономической мысли в научную дисциплину в руки той части экономической науки, которая исключительно в целях разработки новых концепций обращается к трудам мыслителей прошлого. История экономической мысли в этом случае — неотъемлемая часть экономической теории/теорий, что закрепляет за ней презентистскую традицию обсуждения прошлого экономического знания с позиций современного теоретического дискурса. Рациональные/презентистские реконструкции потому и оказались приоритетным историографическим направлением, что обеспечивают современное понимание старых идей и теорий, создают основание для новой теоретической работы. Дисциплине отводится роль инструмента в строительстве современной теории, будь то неоклассический мейнстрим или альтернативные направления, потребителя историко-экономического знания, в лучшем случае доводящего его до готовности в целях текущих исследований, а в некоторых — использующего лишь в качестве своеобразной «приправы» к ним, но никак не производителя нового, собственно историко-экономического знания.

Удачное сравнение с «приправой» использовала в своем президентском послании Европейскому обществу истории экономической мысли «Имеет ли история экономической мысли "серьезный" предмет?» М.-К. Маркуззо, характеризуя им те исследования в

рамках рациональной/презентистской реконструкции истории экономической мысли, авторы которых осуществляют текущий экономический анализ с использованием ссылок на авторов прошлого, добавляя, тем самым, исторический «аромат» своим моделям. Подобная «приправа» готовится зачастую без обращения к оригинальным историческим источникам и сводится к приспособлению, интерпретации оригинальных понятий, выработанных «старыми мастерами», с тем, чтобы они соответствовали нуждам современного экономического анализа. И такую «приправу» сторонники рациональных реконструкций считают «серьезным» вкладом в развитие историко-экономического знания [9, р. 110–111].

Обретение историей экономической мысли собственного предмета связано, в первую очередь, с преодолением презентизма, будь он наследием марксистского периода ее бытования, результатом «шараханья» к неоклассическому мейнстриму или «увлечения» неортодоксальными направлениями. Освобождение от интеллектуальной зависимости от развития предмета экономической теории/теорий, отказ от выполнения роли поставщика «новых» аналитических достижений или интерпретатора «старых» неизбежно ведут к противоположному полюсу оппозиции «презентизм — историцизм», к необходимости определения предметной области дисциплины, нацеленной на изучение собственно/собственной истории мысли, с неизбежной же оценкой иррациональных моментов в ней<sup>1</sup>.

Манифест сторонников историцистского/контекстуалистского подхода в отечественной историко-экономической науке настаивает на восстановлении подлинного смысла научной идеи или концепции с учетом исторического контекста, задаваемого принадлежностью экономической мысли миру экономики, миру идеологии и миру науки, в котором на определенном этапе важную роль начинает

<sup>1</sup> Уже цитировавшаяся нами М.-К. Маркуззо констатировала, что рациональные реконструкции утратили в современной западной истории экономической мысли былой статус легитимного и respectable способа создания историко-экономических работ, что обеспечило более высокую степень ее дисциплинарной автономии, правда, ценой некоторого отчуждения историков экономической мысли от сообщества экономистов [9, р. 111].

играть научное экономическое сообщество [1, с. 8]<sup>1</sup>. Помещение экономического знания в контекст, равнозначное признанию факта его создания в режиме реального времени, смещает центр исследовательского внимания от научных идей к процессам их производства, т.е. к экономистам и их интересам, конкретным научным сообществам и характерной для них практике, научным институциям или месту, где знание было произведено. Объект исследования уже не ограничивается научными текстами, понимание которых фиксируется в системе описаний, чаще лишь воспроизводящих смысл текста, или интерпретирующих его с позиций современного состояния знания. Объект, будь то дисциплинарная практика, механизмы рождения и распространения идей или знакомая по учебникам «борьба и смена экономических теорий», рассматривается как социальная реальность, подверженная влиянию многообразных факторов.

Конечные цели исследований, ориентированных в большей мере на историографические, нежели телеологические или доктринальные критерии, являются уже не теоретическими, а эмпирическими. Основанные на архивных разысканиях их авторов, а не на идеях, изложенных в канонических текстах, они ставят под сомнение «эволюционный характер, традиционно приписываемый экономистами истории их дисциплины, и героические штампы, при помощи которых они характеризуют своих старых мастеров» [2, с. 47].

Задачу добиться баланса между исторической работой по исследованию дисциплинарных практик и теоретической работой по интерпретации научных экономических текстов ставит в качестве основной историко-научный (history-of-science, history-as-science-studies) историографический подход, предложенный в последнем десятилетии минувшего века группой ведущих североамериканских исто-

риков экономической мысли (Э.Р. Вейнтрауб, Ф. Миrowsки, Д.У. Хэндс и др.).

Своеобразным манифестом его сторонников, настаивающим на совпадении дисциплинарных методов и стандартов исследовательской работы и оценки ее результатов с теми, что выработаны и используются историками науки (естествознания), стала статья М. Шабас. Автор констатировала факт существования конфликта между дисциплиной, именуемой ею «историей экономической науки» (history of economics)<sup>2</sup>, и экономической наукой. «Экономисты, настаивая на развитии технического инструментария, утратили способность мыслить исторически и, таким образом, больше не будут стремиться к близости с историей экономической науки или, по крайней мере, с нелиберальной (non-Whiggish) историей экономической науки. Историки должны будут смириться с этим концептуальным барьером, отделяющим их от экономистов. На мой взгляд, им надлежит оформить развод и заключить союз с историками науки» [10, р. 197]<sup>3</sup>.

Речь, следовательно, идет уже не просто о появлении еще одного подхода к изучению истории экономической мысли (history of economic thought), а о размежевании двух разделов науки как логическом результате процесса преодоления ее презентистской ориентации<sup>4</sup>, поляризации историографи-

<sup>2</sup> Исследователи нередко вкладывают различный смысл в понятие «история экономической науки» (history of economics). Одни полагают, что оно должно обозначать исключительно «господствующую» историю экономической дисциплины (mainstream history of the economic discipline), другие — «научный» период ее истории. При этом «история экономической мысли» (history of economic thought) рассматривается как название более плюралистического подхода к прошлому дисциплины, изучающего историю «донаучного» периода, взгляды экономистов «второго», «третьего» ряда, неортодоксальные течения и т.д. Однако чаще понятия «история экономической науки» и «история экономической мысли» все же используются как синонимы.

<sup>3</sup> Спустя десять лет автор вернулась к теме: [11].

<sup>4</sup> Показательно, что широкое обсуждение основных параметров историко-научного подхода развернулось в рамках дискуссии в Интернете на «форуме» Общества истории экономической мысли (The History of Economics Society Website) в 1996 г. по теме «Либеральная (презентистская) история экономической науки мертва — что теперь?» [15].

<sup>1</sup> Отсылая читателя к краткому этому тексту, отметим некоторую двусмысленность даваемого автором определения задачи дисциплины — восстановление утраченных смыслов знания, под которым охотно «подписались» бы и противники контекстуализма. Например, самая обширная группа исследователей прошлого истории экономической мысли, занятых исключительно поиском более полного и правильного «понимания» идей экономистов прошлого — толкованием или интерпретацией их текстов в свете современных экономических познаний толкователя.

ческих позиций, стремлении к методологической определенности. Понятия «история экономической мысли» и «история экономической науки» уже не воспринимаются как синонимы, они соотносятся с определенными историографическими подходами, что можно расценивать как свидетельство процесса самоидентификации отдельных историко-экономических субдисциплин.

В отличие от истории экономической мысли, теснейшим образом связанной с современной экономической теорией/наукой, ведущей рассказ об интеллектуальном ее развитии, осуществляющей рациональную реконструкцию старых идей (их (ре)интерпретацию), результаты которой кладутся в основание текущих исследований, история экономической науки преследует собственные дисциплинарные — историко-научные — цели, решает иные задачи. Как заметил в этой связи Э.Р. Вейнтрауб, «я не думаю, что в мою задачу как историка входит спорить с экономистами о правильном способе производства экономического знания, или о том, идет ли мейнстрим науки в верном или неверном направлении. Моя задача как историка заключается в том, чтобы создавать истории экономической науки, а не реконструировать дисциплину экономикс. Историческая реконструкция — написание историй экономической науки с учетом непредвиденных обстоятельств времени и места, личности и контекста — является трудной и одновременно важной задачей историка экономической науки» [13, р. 280].

В решении этой задачи сторонники подхода солидарны, пожалуй, пока лишь в одном — в противопоставлении презентизму объективного, непредвзятого подхода к историографическому материалу. Историки экономической науки предлагают поставить во главу угла оценки создаваемых реконструкций историографические критерии. Оправдывая присутствие слова «история» в названии дисциплины, историк не должен довольствоваться интерпретацией уже известных текстов, а быть нацелен на архивный поиск, привлечение альтернативных источников исторической информации, демонстрировать своими работами владение исследовательскими навыками и ремеслом историка, умение работать с архивными источниками,

«косвенными уликами» и т.д.<sup>1</sup> «Стандарты, по которым должна быть оценена отдельная работа в области истории экономической науки, совпадают с теми, по которым оцениваются исследования в истории физики или истории молекулярной биологии; определенно, это стандарты, принятые профессиональными историками для оценки исторических работ» [14].

Будучи историком науки, исследователь не должен рассматривать научные тексты через призму современного знания в поисках у авторов прошлого следов, ведущих к настоящему, его «предвосхищений», переводя их на язык науки наших дней. Тем более что содержательная сторона зафиксированного в тексте знания сама по себе, без реконструкции и описания, превращающего его в историко-научный факт, не интересует историка. Специфика научного текста как источника историко-научного исследования, следовательно, состоит в обнаружении за ним «живых актов познания», реконструкции с его помощью тех «процессов познавательной деятельности, в рамках которых этот текст когда-то формировался и функционировал» [4, с. 112].

Новый подход в историографии экономической науки не нашел пока широкого отклика у представителей историко-экономического сообщества [8]. Историко-научные исследования и их результаты далеко не всегда повествуют о героической прогрессивной борьбе против «темных сил времени и невежества», в силу чего представители неоклассического мейнстрима рассматривают исторические реконструкции как критику, бросающую вызов эпистемологической власти господствующей науки, связывают

<sup>1</sup> М.-К. Маркуззо как сторонница контекстуального анализа подчеркивает значение архивов не только «в заполнении лакун в знании о личной и интеллектуальной жизни изучаемых экономистов», но и для понимания их теорий: «"рукописные материалы и переписка" дают понимание мотивов, определявших выбор определенного набора вопросов, допущений и инструментов. Последние не всегда эксплицитно присутствуют в опубликованных версиях работ, где отброшенные решения и дефиниции не учтены. Архивные материалы поэтому позволяют нам двигаться по дороге к теории, а не оказываться сразу, как это обычно бывает, в пункте конечного назначения» [9, р. 112].

подобную историю экономической мысли с иноверием, относят к неортодоксальным научным направлениям. Со всеми вытекающими из этого последствиями в виде сокращения учебных программ, финансирования, ограничения в доступе в профессиональные экономические издания и т.д. [12].

Кроме того, отвергая презентистскую установку на построение непрерывности развития экономической науки, достигаемой благодаря «возвратному» движению, реконструирующему прошлое науки с помощью существующих теоретических взглядов, историко-научный подход настаивает на дисконтинуальных представлениях об историческом развитии, неизбежно ставит на повестку дня немало вопросов, находившихся вне поля зрения традиционной историографии. Например, вопрос об

оптимальной единице историографического анализа науки, на уровне которой более отчетливо могут быть выявлены как интеллектуальные, так и социальные аспекты научной деятельности. В свою очередь, выбор такой структурной единицы науки актуализирует проблему поиска предпочтительных методов, которые следует применять для ее изучения и т.д.

Встающие перед исследователями вопросы, от решения которых зависит выработка собственных методов и стандартов историографии экономической науки, использование эвристического потенциала, заложенного в историко-научном подходе, делают их интеллектуальную жизнь намного более сложной, лишают комфортной позиции «богословов», ищущих истинное толкование библейских текстов.

#### Список использованной литературы

1. Ананьин О.И. Развитие экономической мысли: исторический контекст // История экономической мысли: учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М., 2000. С. 7–9.
2. Дин Ф. Роль истории экономической мысли // Панорама экономической мысли конца XX столетия: в 2 т.: пер. с англ. / ред. Д. Гринзэуэй, М. Блини, И. Стюарт. СПб., 2002. Т. 1. С. 28–58.
3. Клюкин П. Серия «Антология экономической мысли» и новое издание «Капитала» К. Маркса // Вопросы экономики. 2010. № 11. С. 155–158.
4. Кузнецова Н., Розов М. Научный текст как источник в историко-научном исследовании // Высшее образование в России. 2005. № 5. С. 109–112.
5. Майдачевский Д.Я. Куда ведут историю экономической мысли новые историографические подходы? // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 3. С. 13–18.
6. Майдачевский Д.Я. О «шумпетерианской традиции» в историографии экономической науки // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 6. С. 32–37.
7. Мамедов О.Ю. Самые сложные проблемы — внутринаучные! // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5, № 1. С. 5–8.
8. Emmett R.B. History of economics and history of science. A comparative look at recent work in both fields // Research in the History of Economic Thought & Methodology / ed. by J.E. Biddl, R.B. Emmett. 2010. Vol. 28-A. P. 71–94.
9. Marcuzzo M.C. Is history of economic thought a «serious» subject? // Erasmus Journal for Philosophy and Economics. 2008 (Autumn). Vol. 1, iss. 1. P. 110–111. URL: <http://ejpe.org/pdf/1-1-art-5.pdf>.
10. Schabas M. Breaking away: history of economics as history of science // history of political economy. 1992. Vol. 24, iss. 1. P. 187–203.
11. Schabas M. Coming together: history of economics as history of science // History of political economy. 2002. Vol. 34. Annual Supplement. P. 208–225. URL: [http://economix.u-paris10.fr/pdf/journees/hpe/2006-12-21\\_Schabas.pdf](http://economix.u-paris10.fr/pdf/journees/hpe/2006-12-21_Schabas.pdf).
12. Weintraub E.R. Economic science wars // Journal of the History of Economic Thought. 2007. Vol. 29, № 3. P. 267–282.
13. Weintraub E.R. Making economic knowledge: reflections on Golinski's constructivist history of science // Journal of the History of Economic Thought. 2001. Vol. 23, № 2. P. 277–282.
14. Weintraub E.R. What defines a legitimate contribution to the subdiscipline «history of economics?» // History of Economics Society Mail List (1996). URL: [http://www.eh.net/HE/hes\\_list/Editorials/weintraub.php](http://www.eh.net/HE/hes_list/Editorials/weintraub.php).
15. Whig history of economics is dead — now what? URL: [http://www.eh.net/HE/hes\\_list/index.php](http://www.eh.net/HE/hes_list/index.php).

#### References

1. Anan'in O.I. Razvitie ekonomicheskoi mysli: istoricheskii kontekst // Istoriya ekonomicheskoi mysli: ucheb. posobie / pod red. V. Avtonomova, O. Anan'ina, N. Makashevoi. M., 2000. S. 7–9.
2. Din F. Rol' istorii ekonomicheskoi mysli // Panorama ekonomicheskoi mysli kontsa XX stoletiya: v 2 t.: per. s angl. / red. D. Grineuei, M. Blini, I. Styuart. SPb., 2002. T. 1. S. 28–58.



3. Klyukin P. Seriya «Antologiya ekonomicheskoi mysli» i novoe izdanie «Kapitala» K. Marksa // Voprosy ekonomiki. 2010. № 11. S. 155–158.
4. Kuznetsova N., Rozov M. Nauchnyi tekst kak istochnik v istoriko-nauchnom issledovanii // Vyshee obrazovanie v Rossii. 2005. № 5. S. 109–112.
5. Maidachevskii D.Ya. Kuda vedut istoriyu ekonomicheskoi mysli novye istoriograficheskie podkhody? // Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii. 2012. № 3. S. 13–18.
6. Maidachevskii D.Ya. O «shumpeterianskoi traditsii» v istoriografii ekonomicheskoi nauki // Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii. 2011. № 6. S. 32–37.
7. Mamedov O.Yu. Samye slozhnye problemy — vnutrinauchnye! // Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. T. 5, № 1. S. 5–8.
8. Emmett R.B. History of economics and history of science. A comparative look at recent work in both fields // Research in the History of Economic Thought & Methodology / ed. by J.E. Biddl, R.B. Emmett. 2010. Vol. 28-A. P. 71–94.
9. Marcuzzo M.C. Is history of economic though a «serious» subject? // Erasmus Journal for Philosophy and Economics. 2008 (Autumn). Vol. 1, iss. 1. P. 110–111. URL: <http://ejpe.org/pdf/1-1-art-5.pdf>.
10. Schabas M. Breaking away: history of economics as history of science // history of political economy. 1992. Vol. 24, iss. 1. P. 187–203.
11. Schabas M. Coming together: history of economics as history of science // History of political economy. 2002. Vol. 34. Annual Supplement. P. 208–225. URL: [http://economix.u-paris10.fr/pdf/journees/hpe/2006-12-21\\_Schabas.pdf](http://economix.u-paris10.fr/pdf/journees/hpe/2006-12-21_Schabas.pdf).
12. Weintraub E.R. Economic science wars // Journal of the History of Economic Thought. 2007. Vol. 29, № 3. P. 267–282.
13. Weintraub E.R. Making economic knowledge: reflections on Golinski's constructivist history of science // Journal of the History of Economic Thought. 2001. Vol. 23, № 2. P. 277–282.
14. Weintraub E.R. What defines a legitimate contribution to the subdiscipline «history of economics?» // History of Economics Society Mail List (1996). URL: [http://www.eh.net/HE/hes\\_list/Editorials/weintraub.php](http://www.eh.net/HE/hes_list/Editorials/weintraub.php).
15. Whig history of economics is dead — now what? URL: [http://www.eh.net/HE/hes\\_list/index.php](http://www.eh.net/HE/hes_list/index.php).